

БАУМГАРТЕН.
Восстания
с
Трансваале.
1899-1900г.

Δ $\frac{444}{457}$

157

2

1693

293-1-6

114
457

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ТРАНСВААЛЪ

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ ОБЩИНЫ СВ. ГЕОРГІЯ

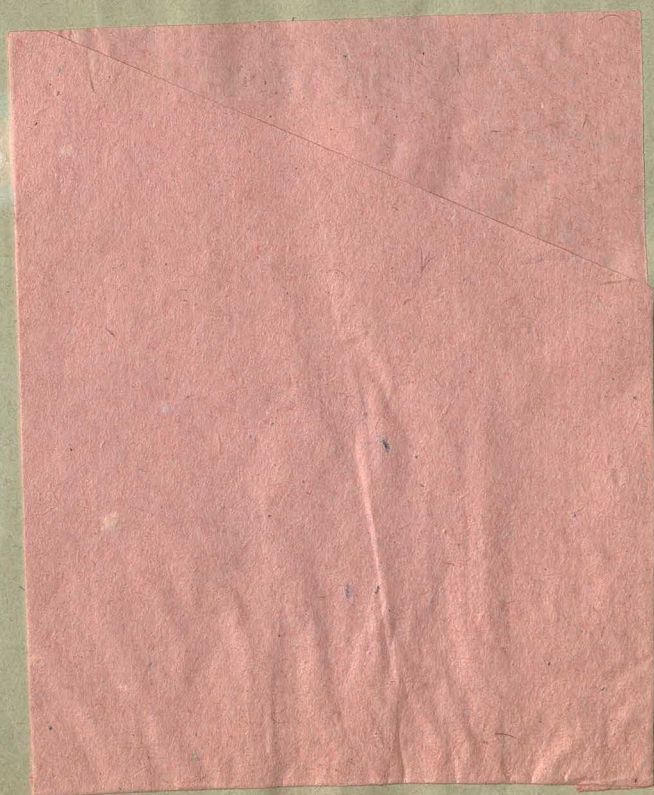
С. фонъ-Баумгартенъ.

1899—1900.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
3						123	97

1871

1060

72

0001

Δ $\frac{414}{457}$

~~1693~~

293-1-6

ВОСПОМИНАНІЯ

О

БП4
Б293 во

Т Р А Н С В А А Л Ъ

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ ОБЩИНЫ СВ. ГЕОРГІЯ

С. фронтъ-Баугартенъ.

1899—1900.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.

П

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Февраля 1901 года.

Посвящается

ГЛУБОКОУВАЖАЕМОЙ СЕСТРѢ НАСТОЯТЕЛЬНИЦѢ

Виръ Георгіевнѣ

баронессѢ Врангель.

Ученый труд

Ученый труд

Ученый труд

Ученый труд

2018839190

Когда меня назначили въ качествѣ сестры милосердія въ Трансвааль, на помощь бѣднымъ бурамъ, я себя чувствовала самой счастливой на свѣтѣ.

Нашъ отрядъ состоялъ изъ тридцати трехъ лицъ. Уполномоченный Н. И. Кусковъ, восемь сестеръ, четыре изъ Георгіевской Общины и четыре изъ Александровской, девятая волонтерка, пять врачей, два агента, четыре фельдшера и двѣнадцать санитаровъ, солдатъ.

25 Ноября утромъ, мы, сестры Общины Св. Георгія, поѣхали прощаться съ Августѣйшей Предсѣдательницей нашей Общины, Ея Императорскимъ Высочествомъ Принцессой Евгеніей Максимиліановной Ольденбургской. Въ тотъ же день отрядъ имѣлъ счастье представляться Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. 26 того же мѣсяца въ нашей общинѣ праздновался день Св. Георгія. На торжествѣ присутствовали члены нашего отряда. Здѣсь намъ сообщили, что въ Александріи чума, а потому, по всей вѣроятности, нашъ отъѣздъ будетъ отложенъ. Трудно себѣ представить какъ мы были огорчены этимъ извѣстіемъ, но къ счастью это огорченіе не продолжалось долго, вечеромъ дали знать, что все же намъ дозволено ѣхать черезъ Александрію и рѣшено покинуть Петербургъ черезъ день—28 Ноября.

Наканунѣ отъѣзда, нашъ отрядъ собрался въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста, гдѣ для отъѣзжающихъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Благословляя насъ, батюшка обратился къ намъ съ прочувствованнымъ словомъ, прося не забывать, что мы посланы Россіей и наша

обязанность поддерживать честь дорогой родины, добросовѣстно исполняя нашъ долгъ.

Передъ уходомъ изъ Главнаго Управленія съ отряда были произведены фотографическіе снимки.

28 Ноября утромъ въ Георгіевской Общинѣ былъ отслуженъ молебенъ; насъ благословили, обѣщали молиться за насъ въ продолженіе отсутствія, а попечительница Общины М. А. Сольская передала образа, которые благоугодно было Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ Всемилостивѣйше пожаловать отъѣзжавшимъ сестрамъ.

Трудно описать съ какою любовью насъ провожали сестры и сколько между ними горько плакали. Когда вечеромъ мы прибыли на вокзалъ Варшавской желѣзной дороги, съ трудомъ можно было пробраться въ залъ, столько собралось провожавшихъ.

Уѣзжая, мы были готовы на все, подвергнуться какимъ угодно опасностямъ, лишь бы только оказать помощь бѣднымъ бурамъ а потому легко разставались съ родиной, не задумываясь, приведетъ ли Богъ возвратиться домой.

На вокзалѣ, былъ такой говоръ и шумъ, что едва можно было разобрать хоть одно слово изъ тѣхъ, что намъ говорились. Наконецъ, насъ съ большимъ трудомъ удалось усадить въ вагонъ. Еще нѣсколько прощальныхъ словъ, нѣсколько напутственныхъ благословеній и третій продолжительный звонокъ. Раздался свистокъ паровоза, толпа стала кричать «ура», и мы тронулись.

30 Ноября въ десять часовъ вечера нашъ отрядъ прибылъ въ Одессу. На вокзалѣ насъ встрѣтила Графиня К., и мы, т. е. сестры, были отправлены, до прибытія парохода, съ которымъ предстояло ѣхать далѣе, въ Общину сестеръ милосердія Краснаго Креста.

5 Декабря ночью прибылъ пароходъ «Королева Ольга»,

на которомъ мы должны были совершать плаваніе до Александріи. Утромъ отрядъ былъ уже на борту.

Какъ и въ Петербургѣ, собравшаяся многочисленная толпа сопровождала нашъ отъѣздъ громкими и продолжительными криками «ура».

Сестры нашей Общины, въ буркахъ, усѣлись на палубѣ, со страхомъ ожидая приступовъ морской болѣзни. А бояться было чего. Какъ только пароходъ отчалилъ, началась сильная качка, и кормовая и бортовая. Еще въ Петербургѣ и въ Одессѣ добрые люди снабдили насъ различными совѣтами и средствами отъ морской болѣзни, сосать лимонъ, пить коньякъ, сидѣть на палубѣ, мало ходить, воздерживаться первое время отъ ѣды и т. п. Но все оказалось тщетно. Почти что всѣ страдали морскою болѣзною, даже наши санитары, крѣпкіе молодые солдаты. Волы, коровы, овцы, которыхъ везли на пароходѣ, также болѣли. Не знаю отчего, морская болѣзнь не желала познакомиться со мной и благодаря этому я имѣла возможность помогать больнымъ сестрамъ.

На слѣдующій день, 6 Декабря, «Королева Ольга», замедляя ходъ, вошла въ Босфоръ. Пассажиры ожили и изъ каютъ вышли на палубу любоваться его живописной панорамой. Какъ только нашъ пароходъ остановился, его окружила флотилія лодочекъ. Запестрѣли красныя фески и разноцвѣтныя одежды турукъ. Мѣстная портовая полиція, слѣдя за порядкомъ, подъѣхала къ пароходу.

Нравы полицейскихъ турецкихъ чиновниковъ въ высшей степени жестоки, объ этомъ мы слышали и сами были очевидцами. Одинъ турокъ, приближаясь къ пароходу, нечаянно, на заворотѣ, толкнулъ лодку, гдѣ сидѣлъ блюститель порядка. Тогда полицейскій багромъ, съ размаху, ударилъ такъ по головѣ несчастнаго, что тотъ лишился сознанія и упалъ на дно лодки. Стоя на палубѣ, мы ясно слышали рѣзкій звукъ безчеловѣчнаго удара желѣзомъ по головѣ.

Когда турокъ пришелъ въ себя, желаніе мести охватило его, и онъ сталъ стараться всѣми силами ударить полицейскаго. Но излишнее напряженіе снова лишило его чувствъ и въ обморокъ его увезли на берегъ. Остался ли онъ живъ? Жестокость поистинѣ восточная.

Я спросила, какое наказаніе ожидаетъ этого безсердечнаго чиновника. Мнѣ отвѣтили, что никакого, онъ слѣдилъ за порядкомъ, и только.

7 Декабря встали мы рано, наняли лодки и поѣхали на берегъ. Константинополь, не смотря на виѣшнюю красоту, чрезвычайно грязенъ внутри. Улицы никогда не чистятъ. Единственные существа, слѣдящіе за ихъ чистотой, собаки. Мы ихъ встрѣчали на каждомъ шагу и почти всегда въ большомъ количествѣ. Онѣ никому не принадлежатъ и кормятся грязью и падалью, которую жители Константинополя бросаютъ на улицы. Улицы такъ узки, что даже одному экипажу трудно проѣхать. Дома также узкіе, разстоянія между окнами незначительныя. Почти у каждого большого дома семейное кладбище. Путешественниковъ поражаетъ безконечное количество мелкихъ лавочекъ, большею частью въ нихъ торгуютъ сладостями, фруктами, а также коврами и различными тканями. Когда покупатель входитъ въ лавку, считается чрезвычайно обиднымъ, если онъ тотчасъ же уйдетъ. Онъ обязанъ посидѣть, поговорить съ торговцами. Большая часть жителей проводятъ въ такихъ разговорахъ цѣлые дни.

На слѣдующій день утромъ мы покинули Константинополь. Весь нашъ отрядъ собрался на палубѣ. Мы восхищались картинами, смѣнявшими одна другую. Кутаясь въ лазоревой дымкѣ утренняго тумана, въ дали убѣгалъ живописно раскинувшійся на морскомъ берегу городъ. Его безчисленные минареты, блистая бѣлизной, гордо неслись въ поднебесную высь. Купола мечетей, и больше всѣхъ

Софійскій, казалось силились охватить своимъ шатромъ весь городъ, схоронивъ подъ своею сѣнью его суету и волненіе. Темная зелень садовъ рѣзко выступала на голубомъ фонѣ неба, а солнце, поднимаясь все выше и выше, золотило своими лучами безъ того богатую красками картину.

9 Декабря утромъ «Королева Ольга» прибыла въ Смирну. Набережныя города считаются одними изъ лучшихъ въ мірѣ, онѣ имѣютъ чрезвычайно оживленный видъ. На слѣдующій день мы пріѣхали въ Пирею, часть нашего отряда отправилась осматривать Аѳины, а другая была приглашена на «Петропавловскъ», русское военное судно. Командиръ и офицеры пили за наше здоровье и за благополучный исходъ путешествія. Подъ звуки военного оркестра возвращались мы къ себѣ на пароходъ. Когда-же «Королева Ольга» тронулась, на «Петропавловскѣ» вновь заигралъ оркестръ и весь экипажъ сопровождалъ насъ продолжительными криками «ура».

12 Декабря часовъ въ шесть вечера мы стали приближаться къ Александріи. Пароходъ остановился такъ, что не нужно было переѣзжать въ лодкахъ на берегъ, а прямо можно было по трапу сходить на землю. И такъ, первые шаги по Африканской землѣ сдѣланы.

Насъ поразило, что много египтянъ говорятъ по русски; они изучаютъ нашъ родной языкъ, какъ намъ объяснили, работая на русскихъ пароходахъ.

Александрія произвела на насъ очень хорошее впечатлѣніе. Поразительно широкія улицы, хорошо вымощенныя и ярко освѣщенныя во многихъ мѣстахъ электричествомъ. Подчасъ даже забываешь, что не въ Европѣ.

17 Декабря, часовъ въ 10 вечера, мы пріѣхали въ Портъ Саидъ. Путешествіе отъ Александріи до Портъ Саида мы совершили по желѣзной дорогѣ.

19 Декабря насъ разбудили ночью и сообщили, что

«Nathal» (пароходъ, на которомъ мы должны были продолжать нашъ путь) прибылъ. Наскоро уложили мы нашъ ручной багажъ и перебрались на пароходъ. За нѣсколько минутъ до нашего отъѣзда, на палубу вскарабкались музыканты итальянцы. Увидавъ русскихъ, они стали играть «Боже Царя Храни». Отраднo было слышать звуки роднаго гимна, среди чужихъ, въ чужой землѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно думалось, придется ли намъ когда нибудь услышать гимнъ на родинѣ?

24 Декабря прибыли въ Джибутти. Какъ только пароходъ остановился, къ намъ приплыли дикари, дѣти. Они бросались въ воду, плавали, ныряли какъ рыбы и кричали: *à la mer, à la mer, oh, oh*. «Бросайте деньги въ море». Съ палубы пассажировъ посыпался цѣлый дождь мелкихъ монетъ. Дикари ныряли, и почти всегда находили ихъ, показывали намъ и клали въ ротъ. Къ вечеру они до такой степени набили ротъ, что не въ состоянiи были кричать. Мы слышали цѣлый концертъ дикарей, они поютъ своеобразно. Одинъ возьметъ одну ноту, другой—вторую, третій—третью и т. д. Европейская культура, повидимому, коснулась дикарей, но хорошей-ли стороною—это дѣло другого рода. Они намъ пѣли французскія шансонетки и опереточные мотивы. Ихъ любимый, кажется, изъ *M-me Ango*.

Туземцы совершенно черные, но ихъ ладони и пятки свѣтло розоваго цвѣта. Они чрезвычайно лѣнны и ихъ очень трудно заставить работать. Напримѣръ, когда грузятъ на пароходъ уголь, съ парохода спускаютъ мѣшокъ, они наполняютъ его углемъ, а въ то время, пока его выгружаютъ, пляшутъ на баркѣ и бьютъ въ тактъ въ ладоши.

25 Декабря, въ день Рождества Христова, прибыли мы въ Адень, утромъ сѣли въ лодку и отправились осматривать городъ. Когда нанимаютъ лодки, поднимается ужасный крикъ, лодочники прямо дерутся между собою, лишь бы на-

брать побольше пассажировъ. За ихъ навязчивость ихъ сильно и часто бьютъ, но это на нихъ не дѣйствуетъ.

До берега намъ пришлось ѣхать минутъ 10. Прежде, чѣмъ удалось нанять экипажъ, мы должны были пройти довольно много, въ сопровожденіи толпы ребятишекъ дикарей. Они ужасно надоѣли своимъ назойливымъ «бакшишъ, бакшишъ».

Въ Аденѣ превосходныя пути сообщенія, вездѣ шоссе. Мѣстность гористая, повсюду скалы, деревьевъ мало, кое гдѣ встрѣчаются посаженные заботливой рукой кустарники. Наибольшій интересъ въ Аденѣ представляетъ знаменитый цистернъ для дождевой воды. Онъ снабжаетъ водой весь городъ.

Еще на «Королевѣ Ольгѣ» нашъ отрядъ рѣшилъ праздновать Рождество Христово. Елку мы купили въ Александріи, разукрасили ее, разубрали, и поставили на столъ въ общей столовой. Къ вечеру капитанъ велѣлъ освѣтить ее разноцвѣтными электрическими фонарями. Часовъ въ 8 вечера весь отрядъ собрался въ столовую, исключая пяти сестеръ, страдавшихъ морской болѣзнью. Между приглашенными находились: нашъ военный агентъ и оба нидерландскихъ: г.г. Томсонъ и Раммъ.

29 Декабря переѣхали экваторъ.

31 Декабря, поздно вечеромъ, мы прибыли въ Діэго Суарезъ. Трудно себѣ представить, какъ долго намъ казалось путешествіе отъ Адена до Мадагаскара. Какъ днемъ, такъ и ночью, въ продолженіе шести сутокъ, все вода, да вода.

1 Января мы перешли съ «Nathal» на другой пароходъ «Gironde». На немъ мы застали новыхъ пассажировъ, между прочимъ голландца, члена санитарнаго отряда. Онъ былъ чрезвычайно взволнованъ. Дѣло въ томъ, что когда его отрядъ прибылъ въ Лоренцо-Маркезо, оказалось, что у нихъ не достаетъ 12 ящиковъ съ хирургическими инструментами

и перевязочнымъ матеріаломъ. Онъ пріѣхалъ сюда и узнать, что срокъ храненія вещей прошелъ и онѣ распроданы.

Вечеромъ мы любовались, какъ туземцы на баркѣ усѣлись вокругъ огня и ужинали, ѣли рисъ, вареный въ большомъ горшкѣ, изъ котораго они всѣ черпали рукой.

5 Января мы пріѣхали въ Мозамбикъ. На маленькихъ лодочкахъ отправились мы осматривать городъ. Солнце стояло уже высоко на небѣ, хотя было еще утро. Что за прозрачность воздуха, и какой ослѣпительный блескъ воды — они возможны лишь при тропическомъ солнцѣ.

При приближеніи къ берегу глазамъ нашимъ открылась панорама разрушенія. Два за два передъ тѣмъ здѣсь свирѣпствовали циклонъ. Виднѣлись слѣды прибоя, груды обломковъ и камней; часть зданій на берегу была разрушена. У берега такъ мелко, что даже лодки приставать не могутъ. Ихъ появленія ждетъ толпа черныхъ и переносить пріѣзжающихъ на плечахъ на землю.

Какую пеструю картину представляетъ Мозамбикъ: каменные дома причудливой архитектуры, съ плоскими крышами, каменные мостовые, посыпанные тонкимъ желтымъ пескомъ, разноцвѣтные обитатели, въ разноцвѣтныхъ костюмахъ и яркихъ головныхъ уборахъ.

Жизнь здѣсь бьетъ ключемъ. На узкихъ улицахъ вѣчно толпа. Бѣгутъ, кричатъ торговцы, по большей части черные, на каждомъ шагѣ встрѣчаются португальскіе или черные солдаты, въ своихъ ярко-желтыхъ мундирахъ съ красными эполетами, туземныя женщины въ бѣлыхъ и полосатыхъ костюмахъ, а въ воздухѣ несмолкаемый шумъ, громкая, разноязычная рѣчь. А надъ всей этой шумной и пестрой картиной, высоко въ небѣ, блещетъ палящее солнце, заливая своими яркими лучами городъ съ его суетой. Да, это югъ! Боже, какъ ярки краски, какъ онъ колоритенъ!

Въ Мозамбикѣ вниманіе туристовъ останавливаютъ двѣ

достопримѣчательности: крѣпость и базаръ. Выстроенная въ XVIII столѣтіи, крѣпость представляетъ обширное зданіе. Въ немъ помѣщаются теперь арестанты, исключительно черные. Ихъ приковываютъ, иногда даже на нѣсколько лѣтъ, къ ручнымъ повозкамъ или телѣжкамъ. Что за несчастная участь!

Мозамбикскій базаръ, слоу мѣстной жизни и ея особенностей, если можно такъ выразиться. Большой, вытянутый четырехъ-угольникъ, съ безконечными вереницами тѣнистыхъ деревьевъ. Здѣсь толпа не переводится съ ранняго утра. Повсюду горы плодовъ и плетеныхъ издѣлій. То и другое составляетъ, главнымъ образомъ, предметъ мѣстной торговли. Торговцы, по туземному обычаю, сидя на корточкахъ, у своего товара, торгуются и бранятся, не щадя проходящихъ.

Часовъ въ 6 вечера мы оставили Мозамбикъ.

Съ нами на пароходѣ ѣдутъ 10 французовъ-волонтеровъ. Они везутъ бурамъ воздушный шаръ. Офиціальное ихъ положеніе—виноторговцы, а двое находятся при нихъ въ качествѣ лакеевъ.

Къ счастью англійскіе крейсера, разъѣзжающіе у Бейро и не пропускающіе контрабанды, насъ не задержали, а то не одобровать бы волонтерамъ. Капитанъ нашъ говорилъ, что, замѣтивъ англійскій крейсеръ, онъ взялъ направленіе къ Дурбану, а затѣмъ уже къ Лоренцо-Маркезо, куда и прибылъ 11 Января.

Первое время все казалось невѣроятнымъ, что наше плаваніе окончилось, до того привыкли мы къ морю, къ качкѣ, да къ однообразному шуму машины.

12 Января мы переѣхали границу португальскихъ владѣній и вступили, наконецъ, на территорію Трансвааля. Что за благодатная страна и что за разница въ сравненіи съ Лоренцо-Маркезо и его окрестностями. Тамъ непроглядныя болота, съ ихъ ядовитыми испареніями, вѣчной маляріей.

Приѣзжаютъ туда люди полные здоровья и силъ и въ самый непродолжительный срокъ обращаются въ живыхъ мертвецовъ. Образно выражаясь, тамъ царство смерти, тамъ смерть живетъ и торжествуетъ въ самой природѣ; неудивительно, что число ея жертвъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ и смертность не знаетъ границъ.

А здѣсь, что за природа, что за пейзажи, что за народъ. Да, невольно думалось, глядя на Трансвааль, не легко будетъ побѣдить его Англии, если только вообще она его побѣдитъ.

Еще на границѣ, въ Komati-Poort, насъ встрѣтили нѣсколько голландцевъ, посланныхъ Крюгеромъ. О днѣ прибытія отряда въ Трансвааль президентъ былъ увѣдомленъ телеграммой, данной нашимъ уполномоченнымъ изъ Бейро. Встрѣтившіе насъ голландцы предложили завтракъ. Одинъ изъ нихъ, учитель, привѣтствовалъ насъ рѣчью и просилъ отъ имени всѣхъ трансваальцевъ принять участіе въ постигшемъ ихъ народъ несчастіи.

Что пережили мы во время нашей поѣздки по Трансваалю до Преторіи! Съ какимъ восторгомъ встрѣчали насъ буры; ружейные салюты, музыка, рѣчи и, наконецъ, сердечное отношеніе къ намъ трансваальскихъ женщинъ. Нѣтъ, такихъ минутъ въ жизни выпадаетъ на долю человѣка мало и ихъ забыть нельзя. Матери, жены и сестры убитыхъ воиновъ окружали наши вагоны, онѣ благословляли насъ на тяжелый подвигъ служенія ближнему. Онѣ молились за насъ, за наше желаніе помочь оставшимся въ живыхъ ихъ сыновьямъ, мужьямъ и братьямъ.

По мѣрѣ приближенія къ Преторіи, открывавшіяся передъ нами картины природы становились все величественнѣе. Дикія, неприступныя скалы, крутые обрывы, горные потоки, съ оглушительнымъ шумомъ и ревомъ несущіеся по кручамъ, безчисленное количество водопадовъ и благодатныя

долины—и все это на фонѣ густой, темной зелени подѣ лазурнымъ небомъ юга...

13 Января, въ третьемъ часу дня, мы приближались къ Преторіи. При видѣ побѣда, встрѣчавшая насъ толпа, устроила оваціи. Буры заиграли на трубахъ.

Въ Преторіи большая часть нашего отряда остановилась въ «Transvaal-Hôtel». Эта гостиница устроена совершенно на европейскій ладъ, въ четыре этажа, съ электрическимъ освѣщеніемъ и полнымъ комфортомъ. Ея хозяиномъ, во время пребыванія нашего, былъ англійскій еврей Леви.

Преторія небольшой, но прехорошенькій городокъ; онъ удачно расположенъ въ долинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, густо покрытыми растительностью, очень живописенъ и дома, по большей части въ родѣ швейцарскихъ, вполне соотвѣтствуютъ стилю горной природы.

Торговая жизнь здѣсь идетъ бойко, магазиновъ много, но почти всѣ въ рукахъ евреевъ. Вообще въ Преторіи удивляетъ количество евреевъ. Въ Трансваалѣ насчитывается ихъ до 20000 и значительная часть изъ нихъ изъ Россіи. Они были очень рады встрѣтить русскихъ и буквально засыпали членовъ отряда вопросами о томъ, что дѣлается у насъ на родинѣ.

Приглядываясь къ ходу жизни въ Преторіи, никакъ нельзя было подуматъ, что буры ведутъ войну. Жизнь, по крайней мѣрѣ съ виду, шла въ обычномъ порядкѣ. Буры были очень самоувѣренны—они говорили о своихъ побѣдахъ, о томъ, что они еще сдѣлаютъ, какъ себя покажутъ. На войну они смотрѣли какъ на охоту, а на англичанъ, какъ на дичь.

— 15 Января, часовъ въ 10 утра, нашъ отрядъ въ парадной формѣ отправился представляться президенту. Его резиденція—маленькій, одноэтажный бѣлый домикъ съ верандой.

Почти каждое утро проводилъ на ней Крюгеръ. Онъ вполнѣ бывалъ доступенъ въ это время своимъ согражданамъ; къ нему приходили по дѣламъ, просить совѣта. Въ военное время у крыльца президентскаго домика стоитъ бурская стража.

Когда наши экипажи остановились у подъѣзда, Крюгеръ оставилъ веранду и скрылся въ внутреннихъ покояхъ, откуда выслалъ статсъ-секретаря Рейца, который и пригласилъ насъ въ пріемную.

Это большая низкая и мрачная комната. Дневной свѣтъ съ трудомъ пробивался сквозь маленькія сравнительно окна, со стеклами, кстати сказать, не перваго качества. На подоконникахъ стояли цвѣты, тѣнь отъ нихъ причудливымъ узоромъ рисовалась на полу и на стѣнахъ. Мебели въ пріемной разставлено было много, какъ и всевозможныхъ бездѣлушекъ и украшеній. Президентъ сталъ, занявъ мѣсто передъ нами. По правой рукѣ его помѣстились Рейцъ, французскій генеральный консулъ и консулъ, исполнявшій въ то же время должность русскаго консула, а по лѣвой—нашъ уполномоченный.

Зачѣмъ описывать наружность Крюгера. Крупная фигура съ большой головой, круглымъ лицомъ и сѣдоватой растительностью старца, перваго бура, слишкомъ хорошо извѣстна, благодаря событіямъ послѣдняго времени. Крюгеръ говоритъ только по трансваальски, поэтому по окончаніи французской рѣчи нашего уполномоченнаго, генеральный консулъ перевелъ ее президенту. Въ отвѣтной рѣчи Крюгеръ выразилъ глубокую благодарность русскому Правительству за то, что оно обратило вниманіе на такую маленькую страну, какъ Трансвааль и прислало ему санитарную помощь. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду, что мы будемъ также жалѣть его народъ. По окончаніи своей рѣчи Крюгеръ выразилъ желаніе, чтобы ему были представлены

члены нашего отряда и онъ всѣмъ пожалъ руку и пожелалъ успѣховъ въ предстоящей трудной работѣ.

16 Января часть нашего отряда отправилась въ президентскую церковь, помѣщавшуюся противъ дома Крюгера. Архитектура храма не представляетъ ничего особеннаго и поразила насъ только своей простотой. Президентъ находился въ церкви съ начала богослуженія. Народу собралось не особенно много, вѣрнѣе мало, и то все больше женщины. Служилъ пасторъ голландецъ, а проповѣдь говорилъ президентъ самъ. Странное, даже тяжелое произвела на насъ впечатлѣніе рѣчь Крюгера. Такъ могъ говорить только человѣкъ, потрясенный горемъ. Онъ грозилъ англичанамъ карой Божіей, судомъ Творца и Его справедливостью. Ораторъ сравнивалъ буровъ съ Авелемъ, а англичанъ съ Каиномъ. Кара и гнѣвъ Всевышняго должны постичь враговъ во имя справедливости. «Законъ вселенной справедливость—возмездьями лишь держится она». Трудно себѣ представить въ какой пафосъ впадалъ Крюгеръ—онъ подымалъ голосъ до крикливыхъ нотъ, лицо его багровѣло, а голова его тряслась, онъ стучалъ о кафедру и повторялъ, потрясая въ воздухъ своими мощными кулаками—«Сражайтесь, сражайтесь до послѣдней капли крови».

Въ тотъ же день мы отправились осматривать голландскую больницу. Она помѣщалась въ школьномъ зданіи и была устроена на 50 кроватей. Чистота, свѣжій воздухъ, электрическое освѣщеніе, словомъ, всѣ необходимыя удобства предоставлялись больнымъ. Ихъ было человѣкъ 40. Штатъ служащихъ состоялъ изъ врача и 3-хъ сестеръ.

Врачъ удивлялся терпѣнію своихъ паціентовъ и мужеству, съ какимъ выносятъ они свои страданія. Дѣйствительно, среди больныхъ буровъ, часто встрѣчались классическіе примѣры присутствія духа и силы воли. Тѣ больные, которыхъ застали мы въ госпиталѣ, всѣ имѣли видъ бодрый, даже ве-

селый. У всѣхъ была одна надежда на скорое выздоровленіе и всѣ горѣли однимъ желаніемъ скорѣе поправиться и снова идти на поле сраженія и снова воевать за свободу, за независимость родины. Любовь къ отчизнѣ у буровъ достойна удивленія.

Здѣсь же въ лазаретѣ пришлось мнѣ слышать до какого самоотверженія способны дойти буры.—Я видѣла больного, которому незадолго передъ тѣмъ сдѣлали серьезную операцію. Онъ уже замѣтно поправлялся. Домашніе его уговаривали по выздоровленіи вернуться домой и отдохнуть на свободѣ. «Свободы нѣтъ, когда врагъ громитъ родину», отвѣчала больной. «Я считаю дни и часы, когда съ Божьей помощью пойду сражаться вмѣстѣ съ моими братьями за правду и свободу.—Вы знаете, обратился онъ ко мнѣ, если англичане разорять наши города и селенія, отнимутъ у насъ кровь и пріютъ, мы все же будемъ воевать, пока у насъ будутъ *Oxenwagen*.

Потомъ мнѣ объяснили его слова. *Oxenwagen* здѣсь называютъ большія повозки. Въ нихъ буры возятъ теперь семейства,—женъ и дѣтей, выгнанныхъ врагами изъ постоянныхъ мѣстъ жительства. Другими словами, буры будутъ сражаться и не положить оружія, пока у нихъ будетъ за что сражаться. Слѣдующіе дни, 20 и 21 Января, мы провели съ особымъ интересомъ. Мы осматривали городъ и знакомились съ мѣстными особенностями жизни. На улицахъ, на каждомъ шагу, утромъ встрѣчали мы съѣзжавшихся съ товарами буровъ. Они привозили ихъ въ городъ изъ окрестныхъ селеній, возы буквально ломились подъ тяжестью; везли зелень, персики, апельсины и плоды. Волы подвигаются медленно, ихъ впрягаютъ обыкновенно паръ по шести, на большомъ разстояніи одинъ отъ другого.

Въ Преторіи насъ поразило большое количество заключенныхъ, нежилыхъ домовъ: были въ ихъ числѣ богатые

особняки и скромные домики. Намъ объяснили, что это все англійскіе дома; ихъ хозяева оставили городъ и потому они пустуютъ. /—

Какъ другая особенность военного времени намъ бросилась въ глаза необычайная дороговизна. Цѣны росли на все баснословно и шиллингъ—въ обыкновенное время въ оборотѣ то же, что нашъ полтинникъ,—упалъ, примѣрно говоря, до гривенника.

Но не смотря на такую дороговизну здѣсь много богачей и они не особенно стѣсняются высокими цѣнами. Посмотрѣть на насъ русскихъ изъ Йоганесбурга спеціально пріѣхали два такихъ богача коммерсанта, исключительно, чтобы познакомиться съ нами и поговорить о Россіи.

23-го мы, сестры, отправились въ лютеранскую церковь. Зданіе церкви просто и скромно, но выстроено въ живописной мѣстности. Вокругъ него разбитъ прекрасный садъ. Возвратившись послѣ службы къ себѣ въ Transvaal Hôtel, мы застали тамъ нашего уполномоченнаго.

Онъ сообщилъ намъ, что 25 Января мы отправимся на работу. Можно себѣ представить нашу радость. Путешествіе наше окончено и мы, наконецъ, приступаемъ къ дѣлу, для котораго ѣхали за тысячи верстъ. Господи, ужъ не сонъ-ли все это! Такъ необычайно, что не вѣрится, неужели все, что мы переживаемъ, творится на яву. А между тѣмъ это дѣйствительность, да если хотите, еще какая реальная. Здѣсь, вокругъ насъ льется кровь, люди сражаются за свою свободу, независимость, ведутъ борьбу за существованіе, въ полномъ смыслѣ слова, и мы среди нихъ, горя желаніемъ помочь ближнему въ роковую для него минуту, мы присланные сюда за тысячи верстъ во имя святого завѣта Христа—Любите ближняго, какъ самого себя». Кто пережилъ хоть разъ такіа минуты, какъ мы, о, тотъ, конечно, никогда ихъ не забудетъ и, пока бьется сердце въ груди,

всегда будетъ переживать тотъ восторгъ, какой наполнялъ наши души въ эти знаменательные дни. Его святой огонь не въ состояннн затушить ни время, ни жизнь съ ея превратностями, онъ только можетъ умереть съ нами.

24 Января прибылъ къ Преторіи русско-голландскій отрядъ, сформированный пасторомъ Гиллотомъ.

Пріѣздъ новаго отряда пополнилъ и безъ того уже большое количество ихъ, бывшихъ на лицо, въ то время, въ Преторіи. Не считая бурскихъ, тамъ были нѣмецкіе, голландскіе, бельгійскіе и др. Конечно, санитарные отряды находились здѣсь временно, ожидая назначеній въ отдѣльныя части. Надо отдать справедливость нашему Главному Управленію.—Все, чѣмъ снабдили насъ, было дѣйствительно полезно и практично. Благодаря такой предупредительной заботливости намъ не пришлось переживать такихъ затрудненій, какъ другимъ отрядамъ, а потому мы могли вполне отдаться своему дѣлу.

Не такъ было съ другими отрядами. Имъ въ послѣднюю минуту пришлось пріобрѣтать на мѣстѣ. Зачѣмъ говорить, сколько должно представлять затрудненій, какъ дорого и трудно получить даже самое необходимое, въ военное время, это и безъ того понятно каждому.

25 Января мы снова собрались на вокзалѣ. Опять толпа, опять тѣ же рѣчи, опять то же торжественно-приподнятое настроеніе. Передъ нами отправляли поѣздъ съ волонтерами. Они пѣли національный гимнъ, махали трансваальскимъ флагомъ; провожавшіе пѣли также, плакали. Настроеніе захватывающее.

Господи, куда ѣдутъ эти люди, на жизнь или смерть, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ, вернутся ли они когда нибудь на родину или падутъ на полѣ брани? Это знаешь только Ты одинъ, на то Твоя Святая воля.

Но вотъ поѣздъ скрылся изъ вида, насъ окружаетъ

толпа, тутъ и старики, и дѣти, и буры—воины, ихъ матери, сестры и жены, они просятъ, умоляютъ со слезами на глазахъ во имя Бога, не покидать больныхъ и раненыхъ послѣ сраженій, а ухаживать за ними и не отказывать въ послѣдней помощи. Тутъ же на вокзалѣ просили насъ принять участіе въ одномъ волонтерѣ полякѣ, находившемся на мѣстѣ нашего назначенія. Несчастный въ сраженіи лишился обоихъ глазъ. Кто знаетъ ни такая ли участь, а можетъ и еще болѣе ужасная ждала и тѣхъ бодрыхъ и сильныхъ волонтеровъ, пошедшихъ во имя идеи въ завѣдомую опасность.

Передъ отправленіемъ нашъ отрядъ раздѣлился, одна часть его поѣхала въ Фольксрустъ, а другая, гдѣ находилась и я, въ завоеванный въ то время бурами Наталь, въ Ньюкастель (New Castle).

26 Января мы прибыли въ Ньюкастель. По истинѣ грустную картину представлялъ изъ себя городъ. Англичане побросали свои дома и магазины, оставивъ имущество на произволъ судьбы. Все въ Ньюкастелѣ говорило о жизни, которая за немного дней передъ тѣмъ была тамъ ключемъ. Въ домахъ все имущество оставалось въ такомъ порядкѣ, что не вѣрилось, чтобы хозяева ихъ бѣжали. Невольно казалось, что они отлучились и должны скоро вернуться. Мы поселились въ Доминиканскомъ женскомъ монастырѣ. Онъ опустѣлъ также за нѣсколько дней до нашего пріѣзда и его обитательницы бѣжали въ чемъ были. Монастырское зданіе состояло изъ двухъ флигелей—въ 3 и 2 этажа. Въ первомъ, въ нижнемъ этажѣ, помѣстились—амбулаторія, лабораторія, операционная комната и нашъ уполномоченный, во второмъ—хирургическое отдѣленіе, а въ третьемъ—сестры. Это была большая комната, въ которой собирались мы въ свободныя, кстати сказать рѣдкія, минуты, и за чашкой кофе вспоминали нашу далекую, дорогую родину. Для жилья же соб-

ственно мы заняли кельи, расположенныя вокругъ центральной комнаты, нашего сборнаго пункта. Во второмъ флигелѣ было устроено отдѣленіе для терапевтическихъ больныхъ. Немалыхъ трудовъ стоило намъ обратить мрачное монастырское зданіе, довольно запущенное и грязное, въ госпиталь со всѣмъ для него необходимымъ.

Нашъ первый паціентъ была молодая дѣвушка, у нея былъ пробитъ черепъ; ее принесли къ намъ 31 Января. Несчастная умерла въ ту же ночь. 6 Февраля къ намъ былъ доставленъ интересный больной; интересный не по формѣ своей болѣзни, а по ея происхожденію—трансваалецъ, прострѣлившій руку, чтобы уклониться отъ повинности идти на войну. 10 Февраля вокругъ Ньюкастля буры разбили сторожевые посты. Запестрѣли по всѣмъ направленіямъ вокругъ города палатки и заходили часовые.

16 Февраля къ намъ пріѣхали два русскихъ волонтера, совершавшихъ съ нами морское путешествіе. Видъ у нихъ былъ утомленный, даже можно сказать измученный. Они намъ рассказывали, до какой степени велика у буровъ потребность въ людяхъ, они берутъ на войну даже мальчиковъ. Послѣдніе храбростью превосходятъ иногда старшихъ. Отъ волонтеровъ узнали мы и нѣкоторыя подробности боевой жизни. Имъ приходилось тяжело, они должны были исполнять всевозможныя трудныя порученія, носить для укрѣплень камни, не спать ночами, мокнуть днями подъ дождемъ, и по недѣлямъ не входить подъ кровъ. Пищу получали они тоже не аккуратно, небольшіе отряды дѣйствовали самостоятельно, отдѣляясь отъ главныхъ частей, и бывали дни, когда они ничего не ѣли.

17 Февраля какъ будто бы слышны были первые пушечные выстрѣлы, а къ вечеру того же дня мы получили извѣстіе, что англичане прорвались изъ Ледисмита.

3 дня спустя къ намъ привезли тяжело раненыхъ. Одинъ изъ нихъ тотчасъ попросилъ воды, когда ему подали

стаканъ, онъ оттолкнулъ его со словами—«Вы русскіе пріѣхали сюда отравлять насъ». Слышавшій это нашъ старшій больной остановилъ новаго паціента и даже сдѣлалъ ему замѣчаніе за несправедливое къ намъ отношеніе.

1 Марта къ намъ поступилъ раненый ирландецъ. Онъ намъ много рассказывалъ объ англичанахъ. Не задаваясь цѣлью оспаривать или подтверждать его слова, мы должны были только признать, что въ нихъ было мало лестнаго для англичанъ за ихъ обхожденіе съ ранеными. Онъ говорилъ, что англичане, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и трудовъ, по просту добиваютъ тяжело раненыхъ и своихъ, и чужихъ, дабы будто бы облегчить ихъ предсмертныя муки.

2 Марта посѣтитъ нашихъ больныхъ пріѣхала къ намъ вдова пастора. Отъ нея намъ пришлось услышать нѣсколько рассказовъ про начало войны.

— Жили буры спокойно по фермамъ. Объявили войну. Побросали они женъ и дѣтей. Взялись за ружье и пошли въ походъ, захвативъ только самое необходимое. Вскорѣ собралось ихъ до 30.000. Англійскихъ войскъ было тысячъ 20, подъ командою Буллера. Пораженіе ихъ было полное. У буровъ армія была не регулярная, но свѣжая, полная силъ и съ большимъ подъемомъ духа. Всѣ очевидцы могутъ подтвердить, что за чудеса въ то время продѣлывали буры.

3 Марта днемъ къ намъ привезли больного Рикарди, команданта итальянскаго лагеря.

6 Марта разнесся слухъ о небываломъ пораженіи англичанъ. Буры заволновались, говорили, что 500 человекъ сдались съ своимъ генераломъ—Китченеромъ или Робертсомъ. На слѣдующее утро оказалось, что эта блестящая побѣда просто не на чемъ не основанная выдумка—и только. Къ вечеру того же дня у насъ было очень оживленно—пріѣхалъ голландскій санитарный отрядъ и привезъ много новостей.

Съ нимъ и съ двумя другими такими же отрядами былъ печальный случай, они потеряли на войнѣ всѣ хирургическіе инструменты и принадлежности.

7 Марта къ намъ пришелъ амбулаторный буръ и просилъ выдать ему «сертификатъ», что онъ не можетъ идти на войну, такъ какъ у него одна нога короче другой. Сдѣлали измѣреніе и оказалось, что не правда. Тогда трансваалецъ (кстати сказать буры не любятъ, когда ихъ зовутъ бурами, «боер» значитъ крестьянинъ, а «мы не мужики, говорятъ они, а фермеры—трансваальцы»), послѣ неудачи съ ногой, сталъ ссылаться на больные глаза, но и здѣсь обнаружилась выдумка. Такихъ неудачныхъ попытокъ было еще много; просили «сертификатовъ» и у насъ, и у другихъ отрядовъ. Объ этомъ стало извѣстно даже въ Преторіи, и оттуда просили специальной бумагой никакихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ не выдавать.

8 Марта къ намъ пріѣхали два русскихъ волонтера. Отъ нихъ мы узнали о событіяхъ послѣдняго времени.

— Буры замѣтно падаютъ духомъ, говорили они. Да и причины къ тому довольно вѣскія. Англичане стали сражаться удачнѣе и противъ буровъ возбуждаютъ кафровъ, а это не шутка. Нелюбовь къ бурамъ у черныхъ существовала всегда, ее вызвали жестокое обращеніе трансваальцевъ и ихъ надменность. Этимъ и начинаютъ пользоваться англичане.

Въ подлинности слышаннаго о ненависти кафровъ къ бурамъ мы легко могли убѣдиться. Когда нашъ отрядъ прибылъ въ Ньюкастель, намъ нужны были для черной работы кафры. Мы обратились къ мѣстной администраціи, чтобы узнать, какія для сего существуютъ здѣсь условія. Оказалось, что они весьма несложны—кафру буры даютъ шиллингъ въ недѣлю, питаются долженъ онъ самъ,—на то онъ и кафръ, чтобы промыслить себѣ, что поѣсть. Помѣщенія для жилья кафру тоже не полагается—на то онъ и кафръ, чтобы спать

на дворѣ. Врачебной помощи оказывать ему тоже не полагается. Буръ никогда не ляжетъ въ госпиталѣ съ чернымъ. Такимъ обращеніемъ буры врядъ ли могутъ вызвать къ себѣ расположеніе кафровъ.

12 Марта мы узнали о полученныхъ отъ Трансваальскаго правительства прокламаціяхъ. Буровъ приглашаютъ сражаться до послѣдней капли крови, чтобы не сдѣлаться рабами англичанъ.

13 Марта Ньюкастель небывало оживился. На улицахъ толкотня, сутолка. Всѣ спѣшатъ въ открывшіеся магазины. Это лавки, принадлежавшія прежде, до взятія города, англичанамъ. За грошъ можно здѣсь закупить груды цѣнныхъ, брошенныхъ прежними хозяевами, матеріаловъ. Волонтерамъ предоставляется все захватывать даромъ; это носить даже особое названіе—«Командеръ».

15 Марта облетѣла городъ вѣсть о скоропостижной кончинѣ Жубера. Послѣ взятія Ледисмита, главнокомандующій уѣхалъ въ Преторію, гдѣ заболѣлъ и вскорѣ скончался.

Какъ, всегда въ подобныхъ случаяхъ были самые разнообразные толки, но всего упорнѣе циркулировалъ одинъ слухъ, будто бы это пораженіе буровъ такъ на него подѣйствовало, что онъ пошелъ даже на самоубійство.

У насъ довольно оживленно почти всѣ эти дни, постоянно гости русскіе волонтеры, а ихъ много. Вотъ и сегодня послѣ грустныхъ разсказовъ о кончинѣ Жубера слышали мы забавный эпизодъ изъ событій послѣднихъ дней, отъ одного изъ нашихъ соотечественниковъ.—«Стояли мы противъ англійскаго лагеря. Поздно, темно, только видимъ, что то движется, словно человѣкъ, по направленіи къ намъ. Шпіонъ, рѣшили мы. Выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ паденіе тѣла. Подкрались, видимъ трупъ, начинаемъ всматриваться, что за диковинка, словно и на человѣка не похоже. А что бы вы думали это

было? Страусъ, да еще домашній, мѣстнаго фермера. Пришлось ему за птицу 7 фунтовъ заплатить».

Мартъ мѣсяцъ, теперь у насъ на родинѣ еще зима, а здѣсь лѣто. А знаете ли вы что такое лѣто въ Трансваалѣ? Это что то ужасное. Днемъ печетъ солнце, свѣтитъ такъ ярко, что глаза болятъ, жара невыносимая. А только что закатилось—темно и ночь, да такая ночь, какая только на югѣ и бываетъ, когда ни зги не видать. Дожди въ лѣтнее время перепадаютъ ежедневно.

Что сказать о нашей собственной жизни. А мы почти ее для себя не ведемъ. Работы много, лазаретъ переполненъ, больныхъ все привозятъ и привозятъ. Когда приходится дежурить ночью, то и минутки не уллучишь, чтобы присѣсть, все время на ногахъ; а среди больныхъ формы довольно серьезные; особенно тяжело съ горячечными, того и гляди, что натворятъ бѣды.

Къ числу чисто мѣстныхъ заболѣваній слѣдуетъ отнести случаи Elephantiasis. Они замѣчаются среди кафровъ и вызываются, какъ здѣсь объясняютъ, употребленіемъ дурной сырой воды. Распространена также и проказа; прокаженные далеко не рѣдкость. Въ войскахъ же, среди буровъ и волонтеровъ, постоянно слышны жалобы на Натальскіе нарывы. Отъ нихъ приходится сильно страдать больнымъ, они появляются отъ укуловъ колючки или царапинъ, когда на живое мясо попадаетъ какая нибудь нечистота или даже садится обыкновенная муха.

Среди моихъ больныхъ есть одинъ кафръ, особенно болтливый, чего только отъ него не наслушалась я про нравы черныхъ. Кафры передъ Трансваальской войной гадали. Они поставили трехъ воловъ—бѣлаго, рыжаго и черного и стали бросать въ нихъ осягаи (родъ метательныхъ копій) и ждали, который изъ нихъ околѣетъ послѣднимъ, задумавъ, что тотъ и будетъ побѣдителемъ. Такимъ побѣдителемъ оказался

бѣлый, пережившій чернаго и рыжаго. Надо сказать, что подѣ чернымъ воломъ понимали они себя, подѣ рыжимъ—англичанъ, а подѣ бѣлымъ—трансваальцевъ. Вотъ одна изъ причинъ, почему кафры во время войны все вѣрили въ успѣхъ буровъ и въ ихъ будущія побѣды.

Кстати скажу нѣсколько словъ о кафрахъ. У нихъ различается нѣсколько племенъ. Чтобы рѣзче выдѣлить свою принадлежность къ извѣстному племени, кафръ или рветъ себѣ передніе зубы, рѣжетъ пальцы или уродуетъ лицо шрамами, смотря по тому, что установлено въ томъ племени, къ которому онъ себя относитъ. Во главѣ отдѣльныхъ племенъ стоятъ короли и начальники. Среди народа особымъ уваженіемъ пользуются знахари, кудесники, они обставляютъ жизнь свою особою таинственностью, живутъ уединенно, въ пещерахъ, въ скалахъ. Словъ своихъ на вѣтеръ не бросаютъ, а потому съ простыми смертными въ пустые разговоры не вступаютъ. У нихъ просятъ только совѣтовъ въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни. Кормятся они приношеніями своихъ посѣтителей. Послѣдніе вызываютъ ихъ изъ жилищъ ихъ хлопаньемъ въ ладоши.

Рожденіе человѣка сопровождается у кафровъ плачемъ, а смерть—радостью, вокругъ трупа учиняются дикія пляски и неподдающіяся описанію ликованія. Положеніе женщины у кафровъ, какъ у народовъ, вообще мало культурныхъ, довольно тяжелое. Въ бѣдныхъ классахъ преобладаетъ моногамія, въ богатыхъ же, среди начальниковъ племенъ, королей,—многоженство. Женъ себѣ кафры покупаютъ и онѣ являются для нихъ чѣмъ то въ родѣ рабынь. На улицахъ мы постоянно наблюдали такіе случаи—идетъ кафръ, съ пустыми руками, и покрикиваетъ на жену, которая изнемогаетъ подѣ непосильнымъ грузомъ поклажи, что взвалилъ на нее, какъ на вьючное животное, ея супругъ. Вообще въ

домашнемъ обиходѣ вся тяжесть работы лежитъ на женѣ, а мужъ ея господинъ.

30 Марта къ намъ поступилъ больной нѣмецъ, инженеръ; въ качествѣ волонтера онъ прожилъ въ лагерѣ у буровъ четыре мѣсяца. Онъ удивлялся религіозности трансваальцевъ, они долго передъ сраженіемъ молятся и поютъ псалмы и затѣмъ только отправляются въ дѣло. Какъ волонтеръ онъ содержаніе отъ бурскаго правительства не получалъ. Оно предоставляетъ волонтерамъ вознагражденіе изъ непріятельской добычи, то же дѣлаютъ и англичане.

Въ началѣ Апрѣля къ нашему больному нѣмцу-волонтеру пріѣхалъ командантъ Боксбургскаго лагеря. Мы воспользовались посѣщеніемъ начальника отдѣльной части трансваальскаго войска, чтобы получить нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи послѣдняго. Вотъ что мы узнали:

Вмѣсто отдѣльныхъ войскъ, армія разбивается на «командо», или, какъ обыкновенно говорятъ, на лагеря. Въ лагерѣ насчитывается обыкновенно отъ 1000—1200 человѣкъ. Во главѣ такого лагеря стоитъ командантъ (у насъ выше поминалось имя Рикарди—команданта одного изъ лагерей). При командантѣ состоятъ до 5 фельдкорнетовъ, а при каждомъ фельдкорнетѣ до 5 ассистентовъ. Вотъ и вся іерархія отдѣльной части. Лагерь раздѣляется на двѣ смѣны, одинъ день воюетъ одна его половина, а другой—другая. Кто хочетъ, конечно, можетъ идти на стрѣльбу, а кто не желаетъ—отправляется въ палатки спать или отдыхать, такъ что самъ командантъ не можетъ заранѣе сказать, сколько у него будетъ людей на полѣ сраженія. Иллюстраціей сему можетъ служить слѣдующій случай съ Жуберомъ. Однажды онъ подошелъ у себя въ лагерѣ къ спавшему буру и приказалъ ему идти на позицію. Буръ только перевернулся на другой бокъ и не выказалъ ни малѣйшаго желанія исполнять приказанія своего команданта.

Нападать открыто, дѣйствуя наступательно, бурамъ не подѣ силу. Ихъ цѣль ставить врага въ невыгодныя положенія. Для этого они отбиваютъ у англичанъ обозы, заставляя ихъ по суткамъ голодать. Они стараются занимать позиціи на вершинахъ горъ, такъ, чтобы непріятель не могъ ихъ видѣть. Буры, какъ горныя животныя, прячутся за скалы и утесы, переползая съ камня на камень, не давая возможности врагу опредѣлить своего убѣжища. Они вводятъ этимъ англичанъ часто въ обманы, особенно пользуясь ихъ незнаніемъ мѣстности. Съ этой же цѣлью прибѣгаютъ они и къ слѣдующему приему, устраиваютъ чучелы, по которымъ и бьютъ англичане, а сами они бьютъ по непріятелю изъ засады.

8 Апрѣля. Завтра Пасха. Вотъ уже второй праздникъ приходится проводить вдали отъ родины, отъ людей близкихъ. Въ такія минуты особенно проступаетъ рельефно любовь къ отчизнѣ, къ дорогимъ и милымъ лицамъ. Только одно сознаніе труда на пользу ближняго въ такіе дни можетъ поддержать и укрѣпить человека. Сердце проситъ любви, и ее находишь у постели больного, подавая ему посильную помощь и утѣшеніе въ его тяжеломъ положеніи.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе мнѣ пришлось дежурить при тяжело-больномъ, но мысль о родныхъ и знакомыхъ не выходила изъ головы, воображеніе рисовало живыми красками далекую родину, пасхальную ночь. И такъ казалось все близко сердцу, что не вѣрилось—неужели я не у себя, въ Россіи, а гдѣ то, за океанами и морями, въ далекой Африкѣ, среди людей чужихъ. Но нѣтъ, я не была совѣмъ одинока. Въ 12 ч. ночи ко мнѣ въ отдѣленіе пришли двѣ сестры. Одна изъ нихъ несла пасху, куличъ, крашенныя яйца. Она поставила ихъ на столъ и стала вслухъ молиться. Мы съ другой сестрой молились тоже. Потомъ, похристосо-

вавшись, сестры ушли, а я осталась въ отдѣленіи. Праздникъ наступилъ.

12 Апрѣля къ намъ пріѣхалъ изъ Гленко санитаръ и привезъ свѣжее извѣстіе о томъ, что англичанъ набралось до 20.000 чел. На слѣдующій день, поздно вечеромъ, мы слышали страшный крикъ «her, her, ouga», думали даже, что это подступаютъ англичане, оказалось, что это кричали уходившіе изъ Гленко африкандеры. Ихъ было до двухъ тысячъ человѣкъ.

Вечеромъ того же дня было получено страшное извѣстіе о катастрофѣ, происшедшей въ Йоганесбургѣ. Неизвѣстные злоумышленники взорвали оружейный заводъ, причемъ пострадали и сосѣднія дома частныхъ лицъ. Упорно по городу ходила молва, что это было дѣло рукъ англичанъ.

15 Апрѣля днемъ навѣстить одного изъ моихъ больныхъ пріѣхалъ его знакомый волонтеръ, только что присутствовавшій на торжественномъ погребеніи тѣла бурскаго героя Жубера.

— Никто бы не подумалъ, говорилъ онъ, что Преторія, подавленная горемъ, въ подобную минуту, когда смерть паритъ надъ головою cadaго и война наложила на все свою неизгладимую печать, могла бы удѣлить столько заботъ и приложить столько старанія, чтобы отдать по заслугамъ послѣдній долгъ и торжественно почтить память своего національнаго героя.

Толпы народа, представители войска, Крюгеръ, въ парадной президентской золотой каретѣ, команданты и, наконецъ, даже плѣнные англичане, въ полной парадной формѣ, принимали участіе въ печальной процессіи.

18 Апрѣля узнали мы, что буры выжили послѣднихъ англичанъ изъ Йоганесбурга и Преторіи. Дня черезъ 3 пріѣхалъ къ намъ оттуда одинъ изъ членовъ нашего отряда, который видѣлъ Крюгера и былъ свидѣтелемъ, какъ держалъ

онъ рѣчь къ народу передъ сраженіемъ у Брадфордта. — Это было раннимъ утромъ. Крюгеръ сильно взволнованный обратился къ народу: «Дѣти, молитесь всѣмъ сердцемъ Господу Богу. На все Его Святая воля. Уповайте на милость Творца! Если Брадфордтъ будетъ взятъ ненавистнымъ непріателемъ, это будетъ символомъ того, что Господь покинулъ нашъ народъ».

Въ 2 часа пополудни пришло извѣстіе о взятіи Брадфордта англичанами....

«Gott hat uns verlaten» — тяжело вздохнулъ Крюгеръ.

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ.

23 Апрѣля прошло у насъ оживленно. Утромъ привезли къ намъ тяжело раненаго англичанина. Страшно было смотрѣть на его искаженное отъ боли лицо. Несчастный не стоналъ, а просто вылъ отъ чрезмѣрнаго страданія. Сколькихъ трудовъ стоило оказать ему возможное облегченіе. Весь день были мы подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ его мукъ. Только къ вечеру мы немного разсѣялись съ пріѣздомъ командира-волонтера черногорскаго лагеря. За ужиномъ онъ увлекъ насъ живыми разсказами изъ боевой жизни англо-бурской войны и коснулся нравовъ въ массѣ наѣхавшихъ въ Трансвааль волонтеровъ. Это большею частью авантюристы, искатели легкой наживы, въ лучшемъ случаѣ. Вообразите себѣ, говорилъ онъ, заливаясь громкимъ и веселымъ смѣхомъ, явился такой молодчикъ къ статсъ-секретарю Рейцу и требуетъ денегъ. Все имущество, что онъ будто бы везъ съ собой, у него выкрали и остался онъ ни съ чѣмъ, а потому дѣло трансваальскаго правительства возмѣститъ его потери. Для большей убѣдительности онъ показалъ свой разрѣзанный чемоданъ, изъ котораго вынуты были его драгоценности.

Рейцъ справился на «Жирондѣ», съ которой прибылъ пострадавшій волонтеръ. И что же? Ничего подобнаго — самый наглый обманъ.

Вечеромъ 29 Апрѣля пришла новость о томъ, что до 5000 англичанъ убито и ранено подъ Блумфонтенемъ. Толкамъ и разговорамъ не было конца. Черезъ день получили телеграмму немедленно отправить всѣхъ нашихъ больныхъ въ Трансвааль и приготовить лазаретъ подъ новыхъ больныхъ.

Цѣлый день провели въ работѣ. Желаніе медицинской комиссіи было, конечно, исполнено въ точности. Когда все было устроено, и лазаретъ опустѣлъ, впервые улучили мы нѣсколько часовъ отдыха послѣ четырехъ-мѣсячной работы. Мы отправились на вокзалъ. Жизнь здѣсь была, если можно такъ выразиться, учащеннымъ пульсомъ. Бурскія женщины должны были покинуть Ньюкастель. Толпа шумѣла, отрывистыя восклицанія на разныхъ нарѣчіяхъ, напутственные объясненія, плачь, утѣшенія, прощальныя фразы—все смѣшивалось въ общій гулъ, который захватывалъ насъ и подымалъ нервы.

Здѣсь у почтовыхъ чиновниковъ, сторожившихъ ящики съ динамитомъ, заготовленнымъ для взрыва мостовъ и туннелей, узнали мы, что англичане приближаются изъ Гленко и буры принуждены отступить. Было 11 часовъ, когда мы вернулись въ нашъ монастырь. Тщетно мы пытались заснуть. Слишкомъ были напряжены нервы. Картины видѣннаго и слышаннаго, образы пережитаго чередовались въ затѣйливомъ беспорядкѣ. Нѣкоторые изъ насъ вскакивали съ постели, бросались къ окошку—вотъ, вотъ казалось подойдутъ англичане!

Въ ночь на 2 Мая, часа въ 2, разбудила насъ дежурная сестра и передала извѣстіе, не мало насъ взволновавшее,—мы выступаемъ немедленно, надо вставать и спѣшно укладывать вещи. Работа закипѣла и къ 5 часамъ все уже было сдѣлано. Въ терапевтическомъ отдѣленіи въ то время у насъ было трое тяжело больныхъ. Наскоро снабдили ихъ всѣмъ необходимымъ и я поѣхала провожать ихъ на вокзалъ, чтобы

отправить въ Трансвааль. Здѣсь пришлось впервые мнѣ видѣть картину войны,—вѣрнѣе одну изъ ея картинъ—отступление. 5 тысячъ буровъ отступали. Они ѣхали частью въ одиночку, частью группами: человекъ по 5, по 10. Ихъ багажъ—самое необходимое—вели кафры. Чернокожіе также вели на поводахъ запасныхъ лошадей для своихъ господъ. Кафры сами ѣхали на мулахъ (ѣзда на мулѣ для бура считается позорной)—они сопровождали своихъ хозяевъ, или ѣхали передъ ними. Среди буровъ многіе были съ перевязками на головѣ и на рукахъ. У вокзала отступавшіе спѣшили, дожидая очереди.

Въ 12 часовъ дня разстались мы съ нашимъ монастыремъ и съ безконечнымъ багажемъ отправились на станцію желѣзной дороги.—Тамъ творилось по истинѣ столпотвореніе Вавилонское, если можно такъ выразиться. Несмѣтныя толпы народа и суматоха, какихъ не видывалъ еще вокзалъ за эти дни. Наши вещи сложили отдѣльно отъ всего перевозимаго изъ города багажа. Изъ нихъ образовалась цѣлая гора. Чего тутъ только нѣтъ—груды ящиковъ, носилокъ, корзины, тюковъ, наконецъ, ящики съ курами, индюшками и клѣтка съ хамеліономъ. А вокругъ суетятся наши кафры въ своихъ незатѣйливыхъ пестрыхъ костюмахъ и безчисленныхъ украшеніяхъ. Дикари сегодня необычайно горды: они нацѣпили на лѣвыя руки, повыше локтя, обрывки тряпокъ съ намазанными на нихъ красной краской крестами.

Жарко, солнце печетъ. Мы отдыхаемъ, сидя на собственномъ багажѣ, къ намъ подходятъ буры, остающіеся въ городѣ, они удивляются, какъ мы сумѣли такъ скоро подняться съ мѣста—уложиться и снарядиться въ дорогу. Ожиданіе поѣзда начинаетъ насъ утомлять, мы отправляемся къ вокзалу. Тутъ собрались бурскіе вожди: Бота, Эразмусъ, Лукасъ Мейеръ. У нихъ идетъ дѣловой разговоръ. Главнокомандующій Бота еще человекъ сравнительно молодой, съ довольно плотной,

немного полной, фигурой. Его лицо, съ рѣзкими чертами, живыми энергичными глазами, обрамленное небольшою бородкой и густой растительностью на головѣ, выдѣляется издали. По костюму начальника трудно отличить отъ простого воина, къ тому же и одежда на немъ пыльная, съ дороги.

Но вотъ мы уже въ вагонѣ. Поѣздъ, съ которымъ мы вышли изъ Ньюкастля, доставилъ насъ къ 8 ч. того же дня въ Фолькерусть, гдѣ мы посѣтили расположившуюся тамъ часть нашего отряда.

3 Мая мы снова въ Преторіи. На слѣдующій день по городу разнеслось извѣстіе, что произведено до ста арестовъ. Заключены въ тюрьму бурь, не желавшіе идти на войну. 8 Мая мы узнали о взятіи Мефкинга. Въ Преторіи сравнительно покойно и про войну говорятъ мало, какъ будто бы она и не ведется тутъ же подъ бокомъ. Ходятъ толки о храбрости бурскихъ женщинъ, о томъ, что онѣ будто бы хотятъ образовать команду амазонокъ, рассказывали про необыкновенную отвагу внучки Крюгера, про то, что и она принимаетъ участіе въ войнѣ.

13 Мая мы поѣхали провожать часть Русско-Голландскаго отряда, уѣзжавшую въ Россію.

Теперь Преторія по немногу начинаетъ терять свой обыкновенный видъ; въ городѣ становится безпокойнѣе, стало извѣстно, что англичане подступаютъ къ Юганесбургу. Прѣшло еще 3 дня и Преторія неузнаваемо измѣнилась. Она болѣе не городъ, а лагерь. Вездѣ солдаты, волонтеры, все вооружено, все готово къ бою.

17 Мая. Вечеръ. Такое чувство бываетъ иногда передъ грозой, когда свинцовыя, тяжелыя тучи начинаютъ низко ходить надъ землей. Что то гнететъ, что то давить все существо, наполняя его ожиданіемъ необъяснимаго, страшнаго. Нервы напрягаются, пульсъ болѣзненно бьется, а сердце, словно, щемить, оно ноетъ и болитъ. Если городъ, въ цѣ-

ломъ, можно себѣ представить однимъ живымъ существомъ, то Преторія въ этотъ знаменательный вечеръ переживала такое именно чувство. Она томилаcь ожиданіемъ. Никто не спалъ.

Въ часъ ночи раздался первый пушечный выстрѣлъ. «Наконецъ-то!» невольно пришло въ голову каждому изъ насъ.

А выстрѣлы учащались... Потушить огонь и выйти на веранду было дѣломъ одной минуты.

Была южная ночь. Природа создала ее для сна и покоя, а люди напрягли всѣ свои жалкія силы, чтобы, хоть на одномъ ничтожномъ клочкѣ земли, нарушивъ величіе спокойствія ночи, пойти на переکورъ ея вѣлѣнѣямъ, наполнивъ ночь «волненіемъ суетнаго дня»—его одного было мало.

Волненіе на улицахъ Преторіи росло.

Толпы народа, во мракѣ ночи, путаясь и сбиваясь, волной хлынули изъ улицы въ улицу. Разобрать что нибудь въ этой ужасной суетѣ было невысказуемо. Картина поистинѣ зловѣщая; предъ нашими глазами стихія, никѣмъ не управляемая, никѣмъ не удержимая....

Сколько времени прошло, сказать трудно, но наша улица почему то внезапно опустѣла. Толпа устремилаcь куда то въ сторону, все смолкло и стихло. Мы ясно въ это время увидѣли трехъ мужчинъ, въ женскихъ платьяхъ. Громко разговаривая, они быстро прошли мимо насъ. Часовъ черезъ 5 мы узнали, что намъ удастся скоро выѣхать изъ Преторіи. На слѣдующій день мы уже были въ Ватервальбовенѣ. Въ городъ мы застали статсъ-секретаря Рейца. Тутъ же находились корреспонденты разныхъ изданій. Крюгеръ въ это время, уѣхавшій также изъ Преторіи, имѣлъ пребываніе на ближайшей станціи. Мы поселились въ школъ. Помѣщеніе досталось намъ не большое, въ 2 комнаты. Ночью мы ужасно заблѣ. Здѣсь въ Маѣ начинаются холодныя ночи.

23 Мая утромъ мы видѣли поѣзда съ англійскими плѣнными. Офицеровъ везли въ I классѣ, а солдатъ въ товарныхъ вагонахъ.

Дня черезъ 2 къ намъ присоединился Фолькхрустскій отрядъ. Ему пришлось совершить для этого въ теченіе 8 дней поѣздку въ Охenvagen. Волы не слѣшили, хотя въ каждый фургонъ ихъ было запряжено по 6 паръ.

26 Мая мы праздновали новоселье. Изъ школы выбрались въ палатки, ихъ 9, держались онѣ слабо, съ первымъ сильнымъ вѣтромъ валились, рвались и взлетали на воздухъ.

Мѣстность въ Ватервальбовенѣ чрезвычайно живописная, но природа дикая. Куда не поглядѣть повсюду, скалы, горы, утесы и обрывы. Горные ручьи съ шумомъ и ревомъ, образуя водопады и каскады, низвергаются въ долины и ущелья. Одинъ недостатокъ, зелени, деревьевъ мало. Только и есть, что у станціи, да вокругъ голландскихъ домиковъ. Наши палатки стоятъ на открытомъ мѣстѣ. Вѣтеръ такъ и гуляетъ на свободѣ. Вокругъ виднѣются кафрскія крали—хижины.

Туземцы, мѣстные кафры, стройны, сухощавы, рослы, цвѣтъ кожи ихъ почти совершенно черный. Жизнь здѣсь они ведутъ болѣе близкую къ природѣ, чѣмъ въ Преторіи, и нравы проще, лучше, а то чѣмъ кафръ просвѣщеннѣе, тѣмъ безнравственнѣе. Но несмотря на близость къ природѣ здоровьемъ кафры слабы, они недолговѣчны, старики между ними на рѣдкость.

Въ работѣ они не выносливы, устаютъ скоро. Въ домашнемъ быту отличительной чертой у нихъ является чистота. Кафры любятъ наряжаться. У насъ, на примѣръ, кафръ служилъ 3 мѣсяца и все свое жалованіе, за четверть года, отдалъ за одинъ солдатскій англійскій мундиръ.

Кстати, зеркало играетъ немаловажную роль въ жизни кафра. Онъ большой кокетъ и обращаетъ много вниманія на свою внѣшность. Какъ заботлива природа и добра, надѣ-

ливъ его такой наружностью, а то что съ нимъ было бы, если бы онъ былъ дѣйствительно хорошъ!

29 Мая къ намъ пріѣхали члены Русско-Голландскаго отряда. Они были у англичанъ и явились свидѣтелями взятія Преторіи.

Англійское войско, какъ узнали мы отъ него, по окончаніи бомбандировки устроило парадъ. Онъ длился что-то около двухъ часовъ. Въ концѣ его англичане съ лордомъ Робертсомъ во главѣ образовали карэ. Въ него вошли сдавшіеся буры, передали ключи города и сложили оружіе.

17 Юня. Сегодня намъ удалось исполнить наше давнишнее желаніе, мы отправились гулять въ окрестности Ватервальбовена.

День выдался ровный, прохладный. Сперва мы шли по каменистой равнинѣ, по пастбищамъ, а потомъ свернули къ оврагу. Здѣсь много обезьянъ. Спускаясь съ горы, мы прыгали съ камня на камень, рискуя малѣйшимъ неловкимъ движеніемъ свернуть себѣ ногу или раздробить голову.

На возвратномъ пути мы должны были взбираться почти по отвѣсной скалѣ, цѣпляясь за малѣйшій выступъ на камнѣ, за кустики и деревца. Вѣтки били насъ по лицу, руки болѣли; мы ихъ въ кровь исцарапали. Тутъ же наткнулись мы и на большую змѣю, бѣло-серебристаго цвѣта, но отдѣлались отъ этой встрѣчи вполне благополучно.

18 Юня мы узнали о приключеніяхъ одного нашего соотечественника. Ихъ съ успѣхомъ можно было бы, подражая Куперу и Майнриду, назвать «Бѣлые среди черныхъ» или чѣмъ нибудь вродѣ этого. По характеру своему они очень напоминаютъ произведенія названныхъ писателей.

Г-нъ N, съ двумя бурами, желая попасть въ Бейро не далеко отъ Петербурга, попалъ въ плѣнъ къ кафрамъ. Дикія племена зулусовъ и базутовъ въ то время вели между собою войну.

Очутившись среди воевавших дикарей, N прекрасно понимал, насколько его положеніе серьезно. Его безпокойство увеличилось, когда ему сообщили, что черные считают его и его товарищей своими плѣнными. N считалъ смертную казнь самымъ вѣроятнымъ исходомъ изъ своего положенія.

Плѣнниковъ повели къ королю.

Буры, говорившіе по кафрски, стали умолять его ихъ пощадить. Онъ разрѣшилъ имъ уйти изъ лагеря подъ бѣлымъ флагомъ и даже въ ассистенты къ нимъ назначилъ нѣсколькихъ своихъ приближенныхъ. Былъ вечеръ и рѣшили переночевать въ «кряляхъ». Поздно вечеромъ плѣнники услышали дикую музыку, выглянувъ изъ своего убѣжища, они увидѣли толпы черныхъ, они плясали у разведенныхъ костровъ и пѣли. Подобныя ночныя торжества у черныхъ обыкновенно устраиваются передъ казнями. N понималъ въ чемъ дѣло, вдобавокъ и нѣсколько осягаевъ прожужжало въ воздухѣ по направленію къ хижинѣ, гдѣ были бѣлые. Положеніе становилось критическимъ. Къ счастью во время подоспѣлъ король и уладилъ все, какъ слѣдовало. N и его товарищи спаслись.

5 Юля. Отправляя письма на почтѣ, я сегодня наблюдала группу туземцевъ. Они курили, особыя у нихъ для этого приспособленія. Рогъ, въ него воткнуть тростникъ, замѣняющій мундштукъ, а на другомъ его концѣ укрѣплена металлическая чашечка, куда набивается табакъ. Дымъ дикари глотаютъ, запивая его водой и сильно кашляя. Самодѣльная трубка у нихъ была одна на трехъ, а потому, пока одинъ курить, двое другихъ въ ожиданіи очереди повторяли какую то поговорку.

14 Юля съ утра слышались съ желѣзной дороги свистки, поѣзда одинъ за другимъ прибывали и отходили. На вокзалѣ крикъ, свалка, грузятъ необходимый багажъ, всюду разбросаны пожитки отъѣзжающихъ, домашній скарбъ. Въ по-

ѣздахъ ѣдутъ дѣти, женщины, бѣгущія изъ всѣхъ частей Трансвааля. Дѣти плакали, кричали и не могли понять, что происходило.

Я вернулась съ вокзала и застала нашего фельдшера, который только что вернулся изъ Машадедорпа и рассказывалъ намъ, что буры отступаютъ отъ Миддельбурга и устраиваютъ тамъ позиціи. Что касается до Крюгера, онъ переѣхалъ въ Ватервальондеръ. Послѣднее время ему приходилось жить въ вагонахъ. Фельдшеръ привезъ съ собой рѣчь президента, въ которой онъ ободряетъ народъ и проситъ его не терять храбрости и продолжать сражаться. Ходить по рукамъ еще другая рѣчь Крюгера. Въ ней онъ также ободряетъ народъ, говоря, что Богъ ихъ не покинетъ и они побѣдятъ, а если англичане ихъ побѣдятъ, то обозначаетъ, что Богъ не существуетъ, но этого быть не можетъ.

Ночью, одну изъ нашихъ сестеръ и меня разбудили съ просьбой подать помощь обожженнымъ. Мы быстро встали и пошли съ врачомъ и еще однимъ голландцемъ на вокзалъ, гдѣ къ нашему большому удивленію мы увидѣли нашъ санитарный поѣздъ, который въ тотъ же самый день только уѣхалъ за ранеными. Онъ не могъ доѣхать до опредѣленнаго мѣста, а потому такъ быстро возвратился.

19 Іюля. Все утро идетъ стрѣльба. Отъ насъ, сверху, видно даже одинъ бурскій «Longtom». Кстати сказать, по мнѣнію знатоковъ и специалистовъ, буры вполне справедливо могутъ хвалиться своей артиллеріей, ибо она поставлена у нихъ образцово. Къ сожалѣнію у нихъ мало артиллеристовъ.

22 Іюля. Это утро было особенно холодно. Говорили, что морозъ доходилъ до 3°. Въ палаткѣ было около 2°.

23 Іюля. Всѣ разошлись, я осталась дома одна, стала любоваться природой и задумалась.

Все прошлое казалось какимъ то сномъ, долгимъ, пріятнымъ сномъ.

Всѣ лица, оставленные мною въ Европѣ, даже тѣ лица, которыя мнѣ не были по душѣ, всѣ до одинаго становились мнѣ симпатичны и дороги. Я чувствовала, что я ихъ любила. Все, что когда то волновало и огорчало меня, казалось пустяками, а горе и несчастье пронеслось молніей. Чѣмъ больше я думала о прошломъ, тѣмъ на душѣ моей становилось легче. Теперь я убѣдилась, что продолжительное отсутствіе и дальнее разстояніе между мной и родиной облегчило тяжелыя обстоятельства. Время и разстояніе развиваютъ способность прощать и забывать, они способны создавать любовь, но я чувствовала, что любовь къ родинѣ сильнѣе любви къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ какъ онѣ только частицы родины.

Я думала о томъ, что необходимо для насъ, чтобы мы были счастливы. Какъ часто, осматривая бѣдныя крали дикарей и видя ихъ нищету, я не могла себѣ представить, что счастье можетъ быть между ними. Но я ошибалась. Дикари несравненно счастливѣе насъ, имъ чужда наша жизнь съ ея невзгодами и тревогами. Ихъ забавляетъ каждая мелочь, они живутъ минутой, они счастливы минутой, какъ малыя дѣти.

Для насъ счастье можетъ быть только тогда, когда передъ нами есть цѣль, есть будущее, а для дикаря довольно настоящаго, онъ только имъ живетъ.

На этомъ думы мои прервались и чѣмъ? Пѣніемъ, чистымъ, звонкимъ пѣніемъ дикарки. Она спускалась съ горы по направленію къ кралямъ, за ней бѣжалъ ребенокъ съ собакой и своимъ хриплымъ голоскомъ перебивалъ прекрасное пѣніе матери. Сколько у насъ тратится въ Европѣ и времени и силъ, чтобы научиться пѣть, чтобы добиться успѣховъ и въ результатѣ часто получается какой то крикъ.

Я никогда не забуду ея пѣнія, съ какимъ чувствомъ она его исполняла. Какъ оно было хорошо. Да, по истинѣ, природа выше всего. Пѣвшая не представляетъ исключенія. Кафры способны къ пѣнію и обладаютъ хорошими голосами. Я узнала, что въ капской колоніи есть опера, гдѣ участіе принимаютъ исключительно кафры.

27 Іюля мы получили телеграмму—возвратиться на родину. Мы никакъ не ожидали этого радостнаго извѣстія, а напротивъ были убѣждены, что придется оставаться здѣсь еще по крайней мѣрѣ 6 мѣсяцевъ.

29 Іюля. Окончивъ обѣдъ, около 1 часу дня, мы вернулись въ нашу палатку, какъ вдругъ поднялся сирокко. Столбы, на которыхъ натянутъ брезентъ нашей палатки, приподнялись, веревки бились о парусину, а потомъ одна за другой стали лопаться. Такой стоялъ шумъ, что нельзя было разговаривать. Въ нашей палаткѣ былъ двойной потолокъ изъ брезента, который хлопалъ одинъ объ другой. Одинъ уголъ нашей палатки повалился, столбы вертѣлись по всѣмъ направленіямъ, такъ что мы скорѣй стали уносить наши вещи отъ стѣнъ. Второй уголъ нашей палатки повалился, сестры въ томъ числѣ и я выбѣжали изъ нея и нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина.

Столовая палатка, какъ наполненный воздушный шаръ, высоко поднялась въ воздухъ, за веревки держали ее врачи и санитары. Вѣтеръ крѣпчалъ. Тщетны были усилія починить нашу палатку, ее такъ и трепало. Вѣтеръ проникъ въ нее, она раздулась, стѣны порвались, и всей своей тяжестью она рухнула на наши вещи. Та же участь постигла и палатку санитаровъ. Пострадалъ и нашъ землякъ, только что поставленный самоваръ.

Трудно было разобрать, что кругомъ происходило, все рушилось, летѣло. Къ вечеру буры насъ пріютили въ клубъ.

31 Іюля послѣ ужина одинъ изъ нидерландскихъ аген-

товъ, раненый и лѣчившійся у насъ, сказалъ рѣчь. Онъ говорилъ, что мы радуемся своему отъѣзду, но что есть люди, которые тоскуютъ, и къ послѣднимъ принадлежитъ онъ самъ и больные. Часовъ въ 6 вечера мы пошли прощаться съ больными, которые разставались со слезами и со всѣхъ сторонъ только и слышались: «Gott segne u, suster, Dank u suster».

1 Августа. Въ 6 часовъ утра, мы все были на ногахъ, и къ нашей радости увидѣли на станціи нашихъ больныхъ, которые, не смотря на раны, пришли провожать «Die Russische Ambulance». Часовъ въ 8 мы навсегда покинули Трансвааль. Въ продолженіе нашей ѣзды по желѣзной дорогѣ стояла на платформѣ и любовалась грандіозными видами громадныхъ скалъ, обрывовъ, водопадовъ и каскадовъ. Мы проѣзжали Nooitgedacht, гдѣ помѣщены были плѣнные англичане. Постороннимъ доступъ туда воспрещенъ. Тогда находилось тамъ болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ англичанъ. Послѣдніе чрезвычайно легко сдавались въ плѣнъ и говорили, что идутъ на отдыхъ къ бурамъ, такъ какъ послѣдніе очень хорошо относились къ нимъ. Часовъ въ 7 вечера мы прибыли въ Лоренцо-Маркезо. Городъ не великъ. Экипажей на улицѣ почти не встрѣчается. Ихъ вообще здѣсь мало. Зато повсюду ручныя коляски. Ихъ возятъ кули. Бѣгаютъ они быстро. Улицы людны, широки и чисты, пока нѣтъ дождей. Магазиновъ сравнительно мало. Городъ освѣщается плохо, хотя кое гдѣ и проведено электричество. Разговорная рѣчь англійская и французская.

5 Августа. У насъ въ гостиницѣ остановились 12 чело-вѣкъ англичанъ. Они, оказалось, были знакомы съ однимъ изъ нашихъ бывшихъ паціентовъ, находившихся съ ними въ плѣну у буровъ. Онъ имъ много рассказывалъ о хорошемъ отношеніи нашего отряда Русскаго Краснаго Креста къ больнымъ всѣхъ національностей. Говоря о бурахъ, они не

находили достаточно словъ, чтобы описать, какъ сердечно относились къ нимъ трансваальцы.

7 Августа. Сегодня летѣла саранча. Мы были очевидцами ужаснаго зрѣлища. Картина угнетающая. Намъ приходилось и ранѣе много слышать про опустошительные ея перелеты, но то, что пришлось намъ видѣть, превзошло все ужасы воображенія. Началось на зарѣ. Появилась саранча въ одиночку. Потомъ небо потемнѣло и вошедшее солнце, во всемъ блескѣ дня, померкло. Его нельзя было видѣть, надвигалась живая туча. Мы сидѣли на балконѣ. Саранча летала вокругъ насъ, путалась въ складкахъ нашего платья. Когда приходилось двигаться нужно было закрывать глаза. Саранча больно била въ лицо. Хозяинъ гостиницы боялся, чтобы она не объѣла цѣнныхъ сортовъ растеній въ его саду. Онъ поставилъ кафровъ и они весь день били въ жестяные ящики. Шумъ ее отгоняетъ. Полетъ продолжался до заката солнца. Весь день воздухъ былъ удушливо тяжелый. Какую печальную картину представляла зелень! Ее почти не осталось—кое гдѣ виднѣлись объѣденные листики.

17 Августа утромъ, мы отправились на пристань. Отъѣздъ былъ назначенъ. Какъ только наша карета остановилась, ее окружила толпа черныхъ, они на перебой предлагали нести нашъ багажъ, желая при случаѣ украсть. Мы отъ нихъ отдѣлались съ большимъ трудомъ. Долго пришлось самимъ сидѣть на солнцѣ и стеречь свое имущество, пока не усѣлись въ лодку и не отправились на пароходъ.

«Кронпринцъ» снаружи произвелъ на насъ непріятное впечатлѣніе: громадный, угрюмый.

Сестры помѣстились въ двухъ маленькихъ, но очень опрятныхъ каюткахъ. Первые 2 часа плаванья онѣ крѣпились, а потомъ не выдержали и заболѣли. 19 Августа утромъ пароходъ попалъ на мелкое мѣсто и мы почувствовали сильный

толчекъ. Въ продолженіе цѣлаго дня не могли мы попасть въ бухту и только въ 4 часа прибыли въ Бейро. 22 Августа прѣѣхали въ Мозамбикъ. Къ намъ на палубу принесли раковины. Черные, видя сколько находится на пароходѣ покупателей, стали требовать невозможныя цѣны. Намъ пришлось просить матросовъ торговаться съ продавцами, тогда они намъ стали уступать раковины цѣлыми корзинами и очень дешево, получая деньги, они клали ихъ въ ротъ, оттуда же предлагали и сдачу.

Къ вечеру наша каюта была переполнена раковинами, но служащіе на пароходѣ посовѣтовали намъ ихъ унести, такъ какъ отъ нихъ можно схватить перемежающую лихорадку.

24 Августа «Кронпринцъ» кинулъ якорь у Занзибара. При остановкѣ появились черные, которые, также какъ и въ Джибути, стали нырять, кричать: «à la mer, à la mer», и въ надеждѣ получить отъ пассажировъ деньги. Нанявъ, съ большимъ трудомъ лодку, мы поѣхали на берегъ, гдѣ насъ тотчасъ же окружила толпа черныхъ. Они наперебой предлагали свои услуги, какъ проводники. Мы наняли негретенку, говорившаго ломанымъ языкомъ по англійски. Онъ все время твердилъ, что онъ честный малый и никогда не кралъ: «I am a good boy»,—а другіе «no good».

Улицы въ Занзибарѣ узкія, по обѣимъ сторонамъ ихъ тянутся высокіе дома, съ плоской кровлей, безчисленными балкончиками, украшенными зеленью. Всѣ почти постройки бѣлыя, содержатся онѣ неопрятно, а потому въ большинствѣ случаевъ имѣютъ видъ грязный.

Мы осматривали мѣстный базаръ. Это какой-то заколдованный лабиринтъ—проходы его называютъ улицами, но на дѣлѣ это просто узкіе корридоры. По сторонамъ ихъ комнаты въ три стѣны, спереди онѣ открыты, примы-

кая къ корридору. Торговля идетъ главнымъ образомъ восточными тканями и издѣліями изъ слоновой кости.

Почти вся жизнь туземцевъ проходитъ на улицахъ— тутъ ея главная артерія.

Населеніе преимущественно составляютъ негры и арабы. Въ Занзибарѣ сохранилось крѣпостное право.

25 Августа, къ 5 часамъ, послѣ сильной качки «Кронпринцъ» прибылъ въ Дарэсаламъ.

Опять на палубѣ толпа туземныхъ продавцовъ съ мѣстными товарами. Здѣсь особенно бойко торгуютъ палками съ ручками изъ цѣльнаго слоноваго клыка.

Послѣ ужина мы отправились на берегъ. Нѣсколько минутъ ѣзды въ шлюпкѣ, и, миновавъ крѣпость, мы вышли на главную улицу. Какъ она живописна. Дома идутъ не сплошной стѣной, а утопаютъ въ пальмовыхъ садахъ. Темнѣло. Выходила луна. Густая зелень пальмъ становилась гуще, и рѣзче выдѣлялись на ея фонѣ бѣлыя стѣны домовъ, съ ихъ плоскими кровлями, сплошь залитыми блѣднымъ свѣтомъ луны.

Какъ всегда, тамъ гдѣ ночь наступаетъ сразу послѣ дня, гдѣ нѣтъ мѣста полутѣнямъ, а есть только контрасты яркаго свѣта и полной темноты, минуты превращенія, метаморфозы природы, бываютъ особенно торжественны. Кажется сама природа благоговѣетъ передъ ихъ величіемъ—въ воздухѣ царитъ необъяснимая тишина, малѣйшій стукъ, малѣйшій шумъ слышатся издали. Вѣтеръ не набѣжить, не шелохнетъ листка....

Луна поднималась и ея свѣтъ рѣкой лился по бѣлой цементной мостовой, сиюсь прорвать темноту наступившей ночи.

Съ главной улицы мы свернули въ торговую. Что за перспектива. У каждой лавочки по домодѣланному цвѣтному фонарику и безчисленная вереница ихъ тонетъ во мракѣ.

Туземцы не спали. Они сидѣли у своихъ лавокъ, ужи-

нали, вели разговоръ. Издали доносились напѣвы ихъ пѣсень, неясные удары въ бубенъ и стукъ плясавшихъ по землѣ ногъ. Несмотря на то, что девятый часъ былъ на исходѣ, населеніе еще не спало.

Мы свернули въ пальмовый лѣсъ. Между деревьями тутъ и тамъ разбросаны хижины дикарей—онѣ изъ вѣтокъ и листьевъ.

Завидя насъ, какой то черный со всѣхъ ногъ бросился бѣжать съ крикомъ «I am № 10 you will take me по one else». Это былъ лодочникъ. При нашемъ приближеніи къ пристани насъ окружила толпа. Лодочники на перебой предлагали услуги, по обыкновенію, кричали, бранились, дрались и толкали ни въ чемъ неповинныхъ пассажировъ. Мы вернулись въ лодкѣ съ № 10.

27 Августа мы прибыли въ Тангу.

У береговъ такъ мелко, что лодки остановились далеко отъ пристани. Пришлось идти по водѣ. Сначала мы попали въ густой лѣсъ, а потомъ уже выбрались на улицы селенія. Нѣмецкія колоніи отличаются чистотою и опрятностью.

Жилища туземцевъ снаружи покрыты известью, а крыши соломой. Погулявъ по улицамъ, мы вновь вошли въ лѣсъ, а оттуда въ городской садъ. Затѣмъ мы спустились къ океану и наняли въ совершенно другомъ мѣстѣ лодку. Когда мы отплыли далеко отъ берега, нашъ первый лодочникъ съ тремя гребцами догнали нашу лодку, остановили ее, принялись кричать, грозить намъ кулаками и чуть не опрокинули въ воду. Они разсердились, что мы не взяли снова ихъ лодку, и хотѣли, чтобы мы пересѣли въ нее. Къ счастью съ нами ѣхало два американца, которые палками оттолкнули ихъ, и мы спокойно доѣхали до нашего парохода.

Часовъ въ пять мы покинули Тангу. 30 Августа проѣхали мысъ Гвардафуй. 1 Сентября. Ночью мы, т. е. пассажиры, плохо спали, такъ какъ въ каютѣ не только

жарко, но невыносимо душно. Утромъ мы едва одѣлись. На палубѣ также душно. Намъ совѣтуютъ много пить, но не брать ничего холоднаго.

2 Сентября пріѣхали въ Адень. Какъ только нашъ пароходъ остановился, къ намъ приплыло множество лодокъ, переполненныхъ различнымъ товаромъ. Сперва купцамъ было запрещено взбираться на палубу, они показывали свои товары изъ лодокъ. Чего только у нихъ не было: шкуры тигровъ, леопардовъ, рога, сигары и т. п. Затѣмъ они стали бросать намъ на палубу соломенные веревки, привязывали къ нимъ товары, и такимъ образомъ покупатели были въ состояніи ихъ осматривать на палубѣ.

7 Сентября, приблизительно въ 5 часовъ, мы въѣхали въ Суэзскій каналъ. Съ правой стороны—пустыня, а по лѣвой—Суэзъ, чрезвычайно красивый городъ. Его берега застроены большими Европейскими зданіями и усажены деревьями. Когда нашъ корабль тронулся, со стороны пустыни бѣжала толпа дѣтей, сперва по песку, а затѣмъ по водѣ и кричала: бакшинъ, бакшинъ. Суэзскій каналъ хотя и не широкъ, но устроенъ такъ, что легко могутъ пройти два большихъ судна. Когда они встрѣчаются, то одно изъ нихъ, т. е. то, которое ѣдетъ съ океана, останавливается, пока другое проѣзжаетъ. Нашъ «Кронпринцъ» заплатилъ 30,000 марокъ за право проѣхать черезъ каналъ.

10 Сентября. Сильная качка; на палубу изъ сестеръ вышли только насъ двое. Волны были сильныя. Почти всѣ пассажиры болѣли. 12 Сентября часовъ въ 9 утра мы пріѣхали въ Неаполь. Нашъ пароходъ остановился у карантинной станціи, къ намъ моментально подплыли лодки. На однихъ лодкахъ были музыканты, на иныхъ торговцы, на другихъ монашенки. Послѣднія громко кричали по русски: «Signora давай деньги». Странно показалось не видѣть больше черныхъ. Все кругомъ насъ бѣлые. Итальянскій

врачъ осмотрѣлъ насъ, здоровы ли мы, затѣмъ намъ пришлось ѣхать на карантинную станцію, гдѣ осмотрѣли наши вещи, и только тогда мы вернулись на пароходъ. Палуба была переполнена продавцами. Мы, сестры, усѣлись на кормѣ парохода, но не имѣли ни минуты покоя. Одинъ итальянецъ за другимъ настаивалъ, чтобы мы купили у нихъ хоть бездѣлушку. Къ счастью одинъ изъ нашихъ фельдшеровъ устроилъ передъ нами перегородку изъ стульевъ.

13 Сентября покинули Неаполь и черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву прибыли въ Петербургъ въ день Св. Надежды, Вѣры и Любви.

Объясненіе къ фотографическимъ снимкамъ.

1. Портъ-Саидъ.
2. Пріѣздъ русскаго отряда въ Преторію.
3. Преторія.
4. Сестры, командированныя въ Ньюкастль.
5. Больные, находившіеся на излѣченіи русскаго отряда въ Ньюкастль.
6. Бурскій «командантъ» Рикарди, также бывшій на излѣченіи русскаго отряда.
7. Его лагерь.
8. Бурскій лагерь.
9. Поле сраженія.
10. Idem.
11. Похороны Жубера.
12. Парадный выѣздъ президента Крюгера.
13. Long—Tom.
14. Бурскіе команданты.
15. Пріѣздъ въ Ватервальбовень.
16. Школа, гдѣ помѣщался русскій отрядъ, и больные—тамъ же.
17. Окрестности Ватервальбовена.
18. Кафры—тамъ же.
19. Ихъ танцы.
20. Отрядъ передъ отѣздомъ изъ Ватервальбовена.
21. Базаръ въ Занзибарѣ.
22. Туземные жители Занзибара.
23. Улица въ Дарэсаламѣ.
24. Пальмовый лѣсъ.

Фотографическія работы изготовлены фирмою «Хитрово и Гринъ».
С.-Петербургъ. Литейный пр., 41.

40

Sur

2018839190

